

Александр Понуров

Наедине с НЕЖНОСТЬЮ

Часть первая.
Оля

Александр Понуров
Наедине с нежностью.
Часть первая. Оля

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40221379
ISBN 9785449615541*

Аннотация

События этой книги случились в памятные 90-е годы. Главный герой случайно знакомится с юной девушкой и наперекор своим желанием влюбляется в неё, но вскоре она теряется, и это заставляет его начать детективное расследование произошедшего. История основана на реальных событиях.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Наедине с нежностью

Часть первая. Оля

Александр Понуров

© Александр Понуров, 2019

ISBN 978-5-4496-1554-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

День угасал медленно и неотвратимо. Солнце, скрытое серой пеленой туч, готовилось уйти за горизонт и погрузить эту улицу, дома, деревья и людей, спящих по заснеженному тротуару, в синюю тьму ночи.

Девочка, ученица выпускного класса в красном пуховике, розовой шапочке со школьной сумкой в руке, шла по широкому тротуару, вдоль дороги, сверкающей от огней проезжающих машин.

Она не поехала домой в автобусе, потому что ей нужно было, сегодня, побыть одной и обдумать предложение классного руководителя.

После второго урока, та зашла в класс и объявила о наборе в подготовительную группу медицинского университета. Девочка ещё с младших классов хотела стать доктором, но вариант, предложенный классным руководителем, требовал денег, поиск которых мог превратиться в препятствие.!

Возможно, она полагала, что обдумывание этой новости приблизит её к давней мечте, а может, готовила нужные слова для своей матери, хотя она прекрасно понимала, что никакие слова не гарантируют исполнения её желания.

За своими мыслями, она не заметила, как с ней поравнялся чёрный легковой автомобиль. Задняя и передняя дверцы

его распахнулись и оттуда, прямо на ходу, выскочили двое мужчин в чёрных кожаных куртках. Схватив девочку под руки, резким движением забросили в машину на заднее сидение, к находящемуся там третьему мужчине, затем также быстро запрыгнули обратно в автомобиль.

На всё про всё ушло несколько секунд. Царили лёгкие сумерки, фонари ещё не горели и мало кто обратил внимание на это событие, уставшие люди спешили домой, будучи полностью погружёнными в свои дела.

Девочка онемела от страха. Её первая мысль была о том, что зря она не поверила отцу и не рассказала матери о разговоре с ним. Застыв в жутком оцепенении, она боялась пошевелиться и тем более подумать о том, что с ней может произойти.

Мужчины плотно зажали её между собой, словно опасались, того что она выскочит из автомобиля на ходу.

Ехали мучительно долго, и за это время никто из похитителей не проронил ни слова. Казалось, они просто забыли о своей пленнице, и только тиски их жёстких тел говорили, что это не так. Машина, наконец, остановилась, распахнулась дверца слева. Сидящий около неё, мужчина вышел и потянул за руку девочку следом за собой, девочка вышла из автомобиля и огляделась. Было уже темно, вдалеке горел фонарь, и его свет, рассеиваясь на снегу, освещал пространство вокруг столба. Где-то лениво влаивала неведомая собака, темнели и пропадали в глубине улицы чёрные громады

одноэтажных домов, с изредка подсвеченными окнами, вся эта иррациональная картина вызывала в душе девочки трепет и страх. Она перевела взгляд на дом, к которому они подъехали.

Он был такой же угрюмый, как и те, которые скрывались в ночной тьме. Его высокая металлическая ограда и такие же ворота, матово отсвечивали в свете тусклого фонаря, закреплённого у карниза дома.

Мужчина подошёл к воротам и что-то нажал. Через некоторое время сухо щёлкнул замок. Мужчина толкнул створку ворот и вошёл во двор, жёстко придерживая девочку за руку, чуть пониже локтя.

—

Снег пошёл ещё вечером и падал всю ночь. Он бесшумно касался земли, покрывал дорогу, создавал причудливые образы на оградках скверов и скамейках, превращал деревья в роскошные хрустальные букеты. Мир замер и в свете фонарей заморожено наблюдал, как грязная, сырая надоевшая осень, примеряя на себя тогу Волшебницы, творит чистое свежее действие, которое обещало быть волшебным и немножко грустным, потому что это падал первый снег.

Был уже первый час ночи, когда я возвращался с дружеской вечеринки. Город спал, постепенно покрываясь белоснежным ковром, и не видел, как Золушка превращает-

ся в Принцессу. Медленно прокатил заснеженный джип, мягко урча мотором, похожий на карету. Он наверно ехал за Золушкой, чтобы отвезти её на бал, начавшийся, вопреки общепризнанной истине, после полуночи, на котором она должна была появиться, в ослепительно-белоснежном платье, пока без короны, но в хрустальных башмачках и исчезнуть с первыми утренними шагами озабоченных прохожих, нарушавших волшебную красоту первого снега.

А моя Золушка шла впереди меня, я это обнаружил как-то внезапно и, невольно поддаваясь неосознанному порыву догнать, пошёл быстрее. Я шёл следом и ломал голову, как привлечь её внимание.

– Простите, пожалуйста, вы не подскажете где ближайшая аптека?

Она шла впереди, не спеша, словно прогуливаясь, сверкая в свете фонарей от снега. На мой вопрос только покачала отрицательно головой.

– А телефонная будка?

То же самое.

– А как вас зовут?

Она остановилась, развернулась ко мне.

– Никак.

– Какое красивое имя... А что вы сегодня вечером делаете?

– Гуляю.

– С кем?

– Пока с вами.

– Вы не устали гулять?

– Честно?

Я, молча, кивнул головой.

– Очень.

– А-а-а – протянул я.

Золушка оживилась.

– Что есть предложение?

– Да. Я живу рядом.

– А вы не маньяк?

– А что похож?

Золушка, в тонкой светло-серой курточке, в чёрных коротких, чуть выше щиколотки сапожках и белой вязаной шапочке, выглядывающей из-под накинутаго капюшона, оценивающе пригляделась ко мне, и неопределённо пожала плечами.

Я взял её под руку. Уже потом, когда я в подъезде отряхивал с неё снег, она как-то робко и нерешительно сказала:

– Может, я пойду домой?

Но меня уже несло:

– По такому снегу, среди ночи, в такую даль?..

Она очень продрогла: я, в прихожей, снимая с неё заснеженную курточку, заметил, что её знобило. Серо-зелёные глаза были так близко и так глубоки, что у меня на миг перехватило дыхание. Мелькнула мысль – не утонуть бы...

Присев возле её ног, расстегнул замки сапожек, легко по-

тянул за каблук, освобождая одну ногу за другой, невзначай касаясь холодных коленей в колготах. Встал. Взяв под руку, повёл в зал. Я чувствовал её лёгкое сопротивление, но отнесся его к смущению, усадил её на диван.

– Пойду, сделаю поесть. Если озябли – вот плед.

Я собирался общаться долго и потому остановил выбор напитков на кофе.

– Вы какой кофе предпочитаете? «Кению» или «бейлиз»?

Она недоумённо глянула на меня и неопределённо пожала плечами:

– Растворимый, если можно, с молоком.

Уже в дверном проёме из зала в коридор, невольно оглянулся на свою гостью. Она, в голубом крупно-вязанном свитере, сидя на краешке дивана, плотно сжав колени под чёрной юбкой, с напряжением и любопытством разглядывала комнату.

Решив, что кофе вкусом ликёра со сливками может ей не понравиться, остановился на классическом – «кении». Прожужжала кофемолка, вспыхнул под туркой газ. Через некоторое время, поставив на поднос тарелочку с бутербродами, две чашки кофе, прошёл в зал. Там я увидел то, чего никак не ожидал увидеть.

Моя Золушка лежала на диване, подложив под голову плюшевого медведя, укрывшись пледом, и кажется, спала.

Поставив поднос на журнальный столик, подсел к дивану прямо на пол, стал её разглядывать. Прямой с лёгкой гор-

бинкой носик, маленькие припухлые губки с небольшой родинкой чуть ниже правого крылышка носа, чёрные брови, чёрный завиток чёлки на лбу и длинный по плечи волнистый волос.

Она выглядела настоль молодого и незащищённого, что я растерялся. Наверно нужно было вместо медведя подложить ей подушку и что-то сделать с одеждой? Но я подумал, что она может испугаться и, решив ничего не делать, в некоей задумчивости пошёл в спальню стелить себе постель. Через некоторое время, выйдя обратно в зал, чтобы направиться в ванную, вдруг почувствовал на себе взгляд. Моя гостья лежала и смотрела на меня с лёгким недоумением. Я понял, что она забыла, где находится и сейчас произойдёт нечто. Прижав палец к своим губам, медленно и тихо произнёс:

— Т-с-с-с,— и замер там, где стоял.

Через пару минут её лоб разгладился: вспомнила. Она села, не опуская ног на пол, не убирая пледа, укрывавшего колени, положив руки на них. Щёчки порозовели, согрелась, видимо усталость и тепло сделали своё дело, и она задремала или уснула, не знаю. Я перевёл дух. Среди ночи женский крик из моей квартиры был бы очень некстати.

— Как вас зовут, дитя моё?

— Оля.

— А сколько же вам лет?

— Семнадцать.

Вот это влип!

– Надеюсь, не завтра будет?..

– Нет, было летом, в мае.

– И что ж вы делали на улице одна в такое время, вас же родители наверно потеряли?

Она снова насупилась и замолчала.

Я понял, что спрашивать бесполезно. Ладно, подождём, пока появится настроение говорить.

– Давайте я вам постелю, и вы разденетесь

– Н-е-е-ет!

В её голосе был ужас. Я понял, ещё слово, и она метнётся к дверям, как есть, и забьётся пойманной птицей. Час от часу не легче! Но я тогда ещё не знал, что все мои приключения впереди и выльются они в целую детективную историю с похищением и выкупом. Сегодняшнее состояние это просто лёгкая разминка перед тем, чего не пожелаешь и врагу!

– У меня нет родителей, – снова раздался её голос.

– Как нет? – мне стало плохо.

– Дома нет, они уехали в гости.

Ну, слава Богу, хоть так!

Я не знал о чём ещё с ней разговаривать. То, на что я надеялся на улице, растаяло быстрее, чем я это понял. Наверно нужно поговорить о школе, как она учится, кто у неё классный руководитель, когда каникулы?... Я уже открыл рот, чтобы задать эти идиотские вопросы, но каким-то шестым чувством понял их нелепость.

«Профориентация» – тоже школьное слово, вдруг всплы-

ло в памяти. Она наверно не знает, кем хочет стать, врачом наверно, а мальчики космонавтами хотят.

Всё – это уже паранойя!

– Если вам будет мешать свет, выключатель у двери, – и показал глазами, где он находится.

Я уже забыл, куда собирался идти, вернулся в спальню, лёг в постель и, с грустью думая о своей невезучей доле, неожиданно уснул.

Спал и видел во сне, что пошёл с Олей сдавать документы в первый класс, а у нас требуют справку из детского садика об успеваемости. Я стал ругаться, кричать и проснулся. Солнце било прямо в глаза, часы над софой показывали начало десятого, воскресенье – лежи не хочу! Тут я вспомнил ночное приключение и подскочил – где Оля? Встав в дверном проёме спальни, увидел, что диван пуст. Неожиданно мне стало легко, просто замечательно. Ночное приключение окончилось, не так как хотелось бы, но благополучно. Я не стар, чуть-чуть потрёпан (всего на тридцать два года), здоров, силён, а главное свободен от попечительских дел.

Размышляя о превратностях судьбы, я вдруг услышал нежный голосок, о которого меня бросило в жар.

– А где у вас сахар?

Я машинально, тупо ответил, не веря себе от ужаса.

– Кончился.

Лучше бы я кончился вместе с ним! О, Господи, за что ты меня наказываешь вторые сутки? Стал перебирать в памяти

все неблагоприятные поступки и пришёл к выводу – не за что!

Нужно было одеваться и идти на кухню. Оля там уже всю хозяйничала, нашла в столе и заварила чай, нарезала хлеб и сейчас намазывала на него масло. Я несколько встревожился и сразу не мог определиться в своих чувствах: нравится это мне или нет. Ещё ни разу, ни одна из моих внезапных гостей женского пола не позволяла себе такого. Обычно это был кофе в постель, но готовил его я. А тут непонятно, то ли по-хозяйски, то ли по неразумению. Предположив, что последнее более вероятно, вследствие её возраста, решил успокоиться. Я сел на табурет и стал наблюдать за ней. Оля готовила бутерброды со знанием дела, ни одного лишнего жеста, ни одного неточного движения, будто не первый раз хозяйничала на моей кухне, на той самой кухне, куда посторонним женщинам вход был, как правило, воспрещён. Меня всегда коробило желание приходящих гостей, навести свой порядок на моей кухне, я это всегда рассматривал, как некий рывок для прыжка в направлении моего сердца, без моего согласия, что и приводило к немедленному расставанию с ними. А тут было что-то другое, не совсем понятное мне. Я не узнавал себя. Давно я так не волновался, и где? На собственной кухне!

Оля уже положила нарезанный сыр на хлеб с маслом и наливала в чашки зелёный чай. Иногда она вскидывала на меня задумчивый взгляд, и тогда меня обдавало жаром. Её глаза – это было то, ради чего можно было потерять голову и надол-

го. У неё были изящные пальчики и взгляд много пережившей женщины, мудрый, спокойный и бездонный. Мужчина, не ищущий в женщине души, никогда не обратит внимания на глубину её глаз. Я по жизни желал познать, прежде всего, душу женщины. Это очень трудный, полный ошибок и заблуждений путь. Но он так заманчив интригой, красотой отношений, сложностью ситуаций. Так приятно в Макбет найти черты Дездемоны, а в Джульетте, к сожалению, склонности Шапокляк.

Бутерброды ели с чаем без сахара, но с конфетами, найденными Олей в недрах стола и, я вдруг понял, что не смогу ей говорить на «вы». Никогда не флиртовал с семнадцатилетними. Хотя, помню, на заре печальной юности что-то было, но тогда был другим и я.

– Мама твоя, чем занимается?

Она неопределённо пожала плечами

– На химическом заводе кем-то.

– Кем-то?

– Каким-то инженером.

– А отец?

– Отца нет.

– Ты же сказала, они в гости уехали.

– С младшим братиком. Отец ушёл от нас к другой женщине, когда мне было шесть лет.

– Извини.

– Ничего страшного.

В её голосе опять я почувствовал жизненный недетский опыт. Бедная девочка! Я знал, как это бывает, когда тебя оставляет женщина, но когда тебя, маленького человечка, бросают ради женщины – это наверно гораздо страшнее. Человек, которого любил и считал своим навеки, так как зависел от него, вдруг, становился чужим.

– Братика как зовут?

– Антоша.

Я опять замолчал, как и вчера, вечером, не понимая, что с ней делать дальше. Чем-то заняться, выпроводить домой или куда-нибудь её сводить?

– Ты со мной вчера, зачем пошла?

– Но вы, же позвали...

– Зачем позвал?

Она насупилась и замолчала

– А как ты оказалась на улице в такой поздний час?

– Я ехала от подружки на маршрутке, машина сломалась.

– И ты собиралась идти домой пешком?

– Я шла уже больше часа, было очень страшно, я замёрзла и устала.

– Когда возвращается мама?

– Сегодня, после обеда, часов в двенадцать.

В течение всего диалога, она смотрела в стол, словно боялась встретиться со мной глазами.

Я не знал, о чём ещё можно спросить свою гостью и встал с намерением убрать со стола посуду.

– Я приберу сама, – сказала Оля и стала составлять в раковину чашки из-под чая.

Согласно кивнув головой, пошёл в зал, сел на диван и стал ждать развязки. Я уже понял, что вчерашние мои надежды оказались дутыми, словно мыльный пузырь, и теперь мучительно размышлял над ситуацией, но в голову ничего путного не приходило. В глазах стояло её личико, милое, растерянное и, уже почему-то, такое родное. Где-то в глубине сердца я чувствовал, что она мне нравится, но именно этого боялся больше всего. В мои планы не входило влюбляться в несовершеннолетнюю. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, я, словно в первый раз, оглядел свою квартиру, стараясь не думать о чуде, шуршащем на моей кухне.

Моя квартира это моя гордость и моя крепость. И дело не в размерах её, а в наличии. Сколько тайн хранили её стены, сколько драм здесь отзвучало! Только здесь я чувствовал себя в безопасности от посягательств на мою свободу. Мы были с ней одно целое, две стороны одной медали. А холостяцкая квартира всегда отличается от семейной: либо откровенным запустением, либо аскетизмом (как у меня). Ни тебе хрусталя, ни дорогого сервиза, ни ковра, ни дорожки. Телевизор, видеомэгаффон, аудиоцентр, диван, два кресла, посуда на шесть персон рабочая и та на кухне. Всё. Но был у моей квартиры, некий шарм: из неё моим гостям не хотелось уходить сразу. Место наверно было хорошее и хозяин обаятельный. Особенно действовала моя квар-

тира на разведённых женщин, но это совершенно другая история.

Оля вышла из кухни, прошла мимо меня, обдав волной горьковатых духов, подошла к окну и выглянула во двор. Кроме бездонных, грустных глаз она обладала точёной фигуркой, небольшой аккуратной грудкой и пышной шевелюрой чёрных волнистых волос. У меня опять заныло сердечко. «Оля, Оля, ну почему же тебе не двадцать пять или хотя бы двадцать лет, почему?»

Повернулась ко мне лицом и стала разглядывать комнату. Я не мог понять, понравилось ей или нет, но что ей не хочется уходить, догадался.

– Музыку включить?

Отрицательно покачала головой. Она видимо почувствовала некую ауру и пыталась в этом разобраться.

«Бедная девочка, это никому не под силу. Либо ты это принимаешь и остаёшься, либо не принимаешь и уходишь навсегда». Я сжал правую руку у себя за спиной в кулак, а левой перехватил её и держал: так как мне вдруг захотелось встать, подойти к ней и обнять это хрупкое, беззащитное тельце. «Вот идиот!», выругал себя за этот порыв, и чтобы хоть как-то заполнить паузу спросил:

– Маму как зовут?

– Мила

– ??

– Людмила.

– Сколько ей лет?

– Тридцать восемь.

Наконец я решился.

– Поедем к вам, я тебя доставлю в целости и сохранности.

Мне захотелось прекратить эту мазохистскую пытку невозможности осуществить желаемое, и стало доставать то, что я теряю время на ненужные бесплодные расспросы, ни к чему не приводящие. Ей не хотелось уходить, но она, молча, пошла в прихожую.

Только ради вежливости я написал на своей визитке домашний телефон, и уже на лестничной площадке подал ей.

– Возьми, может пригодиться.

Она некоторое время подумала и взяла, скорее всего, тоже из вежливости.

Через пятнадцать минут езды на автобусе мы были у её пятиэтажного дома.

– Может, зайдёте к нам? Я вас чаем напою, с сахаром.

Потом, лукаво глядя в глаза, сказала с еле уловимой улыбкой, не обидно, а скорее понимающе:

– Ведь вы напрасно столько времени потеряли.

Непонятно, чего было больше в этой фразе, констатации факта или сочувствия.

И вдруг я понял, что совсем не готов просто так уйти и забыть своё ночное приключение, даже больше, где-то в глубине души у меня шевельнулось желание продолжить общение.

«Ну, ты и козёл!», снова выругал я себя, – «седина в бороде...»

– Этаж, какой?

– Четвёртый.

– Пошли.

Оля успела ключом провернуть лишь один оборот, как дверь резко распахнулась – на пороге стояла немного полная молодая женщина. Она вначале посмотрела на дочь, затем на меня и глаза у неё округлились. Я понял, что вчерашнее приключение это цветочки по сравнению с тем, что может сейчас произойти, сказал Оле, — пока, — повернулся и очень быстро, быстрее, чем хотелось, сбежал вниз по лестнице.

—

Золушка явилась на бал без приглашения, неожиданно для всех и неожиданной всего для Принца. Он стоял и размышлял о незваной гостье, не зная, что сделать: рассердиться или, сменив гнев на милость, подойти к незнакомке. Вдруг Главный Камердинер почти закричал удивлённым голосом:

– О, госпожа Золушка, Вы одна или с тётушкой?

И все придворные оживлённо зашушукались:

– Золушка, Золушка...

– Да-да это она, – важно говорил Главный Камердинер, – мы её ждали давно, и вот только сегодня она к нам пришла!

– Посмотрите, посмотрите! – прошелестел по залу шепот восхищения. – Какие у неё изумительные туфельки! Таких уже лет сто никто не носит! Ах, как они ей идут!

Туфельки и в самом деле были хороши, с острым носиком, на миниатюрном каблучке, прозрачные, одним словом – хрустальные.

– Здравствуйте, Золушка.

Это к ней подошёл Принц и наклонился, желая поцеловать её ручку. Но Золушка уже взялась за полы своего бального платья и сделала книксен. Получилось смешно, но очень мило.

– Какая они красивая пара, – снова раздался шепот восхищения.

– Белый танец, – объявил Главный Дирижёр.

Ведь согласно придворного этикета, Принц не мог сам пригласить на танец девушку пусть даже и Золушку, но всё же пока не Принцессу, и Золушка пригласила танцевать Принца.

– Вы к нам надолго? – спросил Принц. Он знал, что Золушка это подарок для него от Волшебницы, но в глубине души почему-то появился страх, вдруг не получится, как пообещала та, вдруг что-то сломается, и Золушка исчезнет. Несмотря на то, что ни разу за годы опеки Королевства со стороны Волшебницы такого не случилось, у Принца почему-то сжалось сердце.

– Не знаю, – ответила Золушка. Она и в самом деле не зна-

ла. Не могла же она сказать Принцу, что бы тот сделал ей предложение до того, как ранние прохожие нарушат тишину Ночи Первого Снега. Девушка не может первой предлагать то, что должен сделать мужчина.

Принц смотрел на Золушку, кружащую с ним в танце, на её золотистые волосы, на её карие глаза, понимал, что влюбляется, но ничего не мог с собой поделать. Он про всё забыл. Для него время остановило свой бег. Принц кружил в вальсе Золушку и не замечал её озабоченных глаз. Он радовался как ребёнок, зная со слов Волшебницы, что Золушка никуда не исчезнет ни сейчас, ни завтра, ни послезавтра. И когда Золушка легонько отстранилась от него, услышав осторожные шаги Первого Прохожего, он этому не придал особого значения и даже когда она уже сбегала вниз по лестнице, он ещё не испытывал тревоги, пока Главный Камердинер не закричал:

– О, Боже, Принц! Она исчезла!

Только и мелькнул невесомый газовый шарф, и Золушка пропала. Принц кинулся следом на лестницу, а затем на улицу. Он слишком медленно бежал по лестнице и к тому же, привратник так долго открывал огромные двери, что принц с большим опозданием выбежал из дворца. Никого, и только джип без номеров мягко и тихо урча, катил где-то вдалеке. Золушка могла быть только в нём. Снегом завалило весь город, было ещё темно.

– Такси-такси, – закричал Принц.

– Куда едем, Шеф? – весело и грубо спросил водитель такси.

– Куда? – Принц глазами поискал автомобиль с Золушкой, но его нигде не было, – уже никуда.

Он, сторбившись, усталой походкой, не спавшего ночь человека, пошёл обратно во дворец.

Испуганная челядь толпилась в зале.

– Всем спать, – сказал Принц. – Бал окончен, – и первым направился прочь. Он, конечно же, не мог спать, но находится среди придворных, тоже было свыше его сил.

Вдруг Принц понял, что нужно было бежать по следу джипа. Он выскочил из дворца и в чём был, быстро-быстро, почти бегом, направился туда, где стоял автомобиль. Увидел, как следы Золушки исчезли у следа шин, который вёл в сторону проезжей части. Дальше по дороге, потом сворачивает на небольшую улочку, пересекает переезд, опять сворачивает в переулочек и, напротив небольшого с мансардой домика, на дороге появляются следы обуви человека, но не туфель, а стоптанных башмаков, и ведут они к подъезду этого домика. Принц подбежал к двери, и что есть сил, забарабанил в неё. Долго никто не отвечал, затем сонный голос грубо спросил:

– Какого чёрта нужно?

– Золушка здесь живёт? – закричал Принц.

– Никакой Золушки здесь нет. Здесь проживает башмачник с женой и дочерьми, но хозяйина дома нет, и мне прика-

зано никого не впускать.

– Я Принц, откройте дверь.

– А я король датский, – захохотал грубиян и ушёл в дом.

Только сейчас Принц понял, как он продрог. Он возвращался во дворец, дрожал от холода и мечтал о горячем шоколаде и ванне, а навстречу ему бежала встревоженная челядь. Придворные катили большие санки, в ней лежала шуба, которой тотчас же укутали Принца и повезли обратно.

Днём все поняли, что эта выходка стоила Принцу сильнейшего воспаления. Он лежал в бреду, куда-то рвался, и всё звал кого-то. Затем забылся и уснул. Врачи прописали микстуру, спиртовой компресс и полный покой. Строго настрого наказали, под страхом смерти, не упоминать о Золушке, справедливо опасаясь ухудшения здоровья Принца.

Ближе к полудню Принц пришёл в себя. Он оглядел всех присутствующих, кого-то искал глазами и, не найдя, отвернулся к стене. Он так и пролежал целый день, не спал, не ел. Все встревожились. Отец Король и мать Королева собрали консилиум врачей и совет придворных мудрецов.

– Нужно вызвать Волшебницу и спросить с неё за недоброкачественное волшебство, – предложил Младший Мудрец. – И насчитать ей неустойку в размере годового оклада.

С ним не согласился Средний Мудрец. Он сказал, что нужно предложить Волшебнице переколдовать бал.

Но тут на него все так глянули, что Средний Мудрец потупился, поняв, что сказал не то.

Главный Врач же подчеркнул о недопустимости нового эксперимента над Принцем, здоровье которого и так уже подорвано чудовищным событием.

– Нужно вначале вылечить мальчика, – вдруг произнёс Главный Мудрец. – Это наверно важнее некачественной работы Волшебницы и потом отыскать Золушку.

Отец Король подытожил:

– Вы, – обратился он к врачам, – лечите Принца. – А вы, – последовал кивок в сторону мудрецов, – ищите Золушку. Совет окончен.

Если врачи знали, как лечить сына Короля, то мудрецы не знали, как и где искать Золушку. Им бы спросить у Принца, где он был до того, как его нашли, но это запрещалось под страхом смерти. Тем же страхом грозило и бездействие в поиске.

Подумав, они вызвали с отчётом о проделанном действе Волшебницу и дали ей задание, под угрозой разрыва официальных отношений с Королевским Двором, отыскать, где проживает Золушка. Ей разрешили использовать любые, даже самые несветлые заклинания для этого, искренне полагая, что Король не потребует отчёта о способах достижения истины. Они надеялись быть победителями

Глава 2

Вошли в дом, минуя веранду и холодные сени, и оказались в небольшом коридоре, освещённом настенным светильником. Мужчина легонько подтолкнул девочку по направлению к открытой двери в комнату. Она вошла, сделала несколько шагов и огляделась: небольшая комната, без окон, под потолком, на противоположной от входа стене, горела голая лампочка. То ли кладовка, то ли темнушка какая. У девочки дома была такая вот, только ещё меньше, комнатка-чулан, видимо в этом частном доме, хозяева сделали себе такой чулан-не-чулан, для каких-то, только им ведомых, целей. У левой стены под лампочкой, стоял стол со стулом, правом в углу, вплотную к столу, располагалась железная кровать, занимавшая почти всё пространство комнатки-чулана, застеленная каким-то тряпьем. Девочка с содрогание подумала, что ей придётся лежать на этом. Она подошла к кровати расправила тряпки, они были старые, но чистые, «ладно хоть так», вяло подумала она и села, не снимая с себя пуховика.

Девочка не знала, сколько так просидела, очнулась только от скрипа двери, это вошла пожилая темноволосая женщина. Она поставила на стол, застеленный прозрачной клеёнкой, металлическую миску с супом, положила два кусочка хлеба и ложку.

– Поешь, поди с утра голодная, – и вышла, прикрыв за собой дверь.

Девочка сняла с себя пуховик, повесила на спинку кровати, начала есть машинально, совсем не чувствуя вкуса, после чего села опять на кровать. Стало жарко, она скинула с ног сапоги, легла головой на подушку в цветной лянцовой наволочке. Спать не хотелось, а только ощущение невероятной усталости давило грудь, в душе царила паника, на сердце боль и отчаяние. Она заплакала, молча, вытирая руками слёзы. Стало немного легче и сон, незаметно неё для самой, свалил её. Сказалось нервное перенапряжение дня.

Ей снилось, что-то красивое и доброе, как они с мамой и младшим братиком были в гостях у бабушки с дедушкой, только не в городской квартире, а в незнакомом саду, полным необычных деревьев с висящими на них ароматными и золотистыми фруктами.

Девочка проснулась и лежала, не открывая глаз, вспоминая сон и заново переживая всё, что ей приснилось. Сон был яркий, цветной и тёплый, ей такого ещё ни разу ещё не снилось. Но затем что-то упало с дерева, с резким металлическим стуком ударило о землю и разбудило её. Сказка исчезла, и вместо неё воцарилась чужая враждебная тишина, а в душе опять появились боль и страх. Она открыла глаза, вернувшись в безысходную реальность.

В комнатке было темно, только из-под двери выбивалась полоска света. Девочка приподнялась на локте и разглядела

в жидком, рассеянном свете пуховик, лежащий бесформенной кучкой на полу возле кровати, сапоги у двери, как она и бросила их, только свет она не выключала, значит, женщина входила и погасила его.

За дверью опять раздался резкий металлический стук и следом шипящий женский голос.

– Да тише ты, девчонку разбудишь!

– Её всё равно поднимать нужно, – ответил мужской. – Пусть знает, зачем она здесь, он просил нас всё рассказать ей про это.

– Не колготись, подожди немного, ей и так не сладко. Я покормлю её вначале, потом поговорим.

—

Прошёл месяц, но я не забыл о случившемся, время от времени вспоминая и размышляя на эту тему, и однажды вечером раздался звонок городского телефона. Радиотрубка как всегда лежала, Бог знает где, и я, нервничая, слушал, по звуку пытаюсь определить, куда же в этот раз я её забросил. Ага, под диваном, вот она. В трубке кто-то тихо дышал, потом сказал нежным, таким забытым и родным голосом.

– Алло.

Моё сердце скакнуло прямо в уши, и я, не слыша себя, завопил от радости, словно потерпевший.

– Оленька, это ты! Какая же ты умничка, что позвони-

ла!...

И вдруг осёкся: «Чего радуешься? Вначале выясни, зачем звонит ребёнок».

Затем, уже более спокойно и буднично повторил:

– Оленька, я слушаю.

– Можно к вам приехать?

– Конечно можно, что-то случилось?

– Нет, нет, всё нормально.

Но я уже слышал по голосу, что это не так. В холодильнике, как всегда, было пусто. Нужно было, что-то купить, но я боялся разминуться, и стал ждать. Минут через тридцать раздался звонок. Если сказать, что я вскочил, значит, ничего не сказать.

Я взлетел как горный козёл, как орёл, как беркут! Давно я так никому не радовался.

«Вот архар», — по привычке и уже обречённо обругал себя и пошёл открывать дверь.

Там была Оленька, такая нежная, чистая и беззащитная. Она испытующе глянула на меня, как бы спрашивая, вовремя ли?

Потом, поняв, каким-то образом, что я ей рад и очень её ждал, успокоилась.

– Замёрзла? Чай будешь?

– С конфетами?

– Нет конфет, кончились, с сахаром.

– Буду.

Но чай в конечном итоге стал растворимым кофе с молоком, зато нашлось в столе печенье, удивительно вкусное, даже не припомню, кем купленное и положенное туда.

– Я слушаю.

– Мне, нам, нужны деньги, много...

– Много это сколько?

– Тысячу долларов, маме на операцию.

Я задумался. Конечно, тысяча долларов на дороге не валяется, но мне вдруг захотелось ей помочь. И, кажется, было уже всё равно, для кого она просит: для мамы, для тётки, для бабушки. Я должен ей найти эти деньги. Ненавижу слово «должен», но сейчас оно не вызывало во мне отторжения и напряжённости.

Всё! Это моё, так называемое состояние, видимо ведёт прямым к тому мироощущению, которое называется – влюбился. Как же глупо, банально получается, но я ничего не мог с собой поделать. Меня тащило, словно ночной порой по скользкому косоугру на оживлённое шоссе. Ни затормозить, ни свернуть, прямым под колёса прущемуся в крошечной темноте транспорту. И чем громче шум дороги, тем безнадежней мои дела!

Я смотрел на её грустные глазки, розовые губки, на то, как она морщит лобик рассказывая мне о маминой проблеме и понимал, как же легко влюбляться в молоденьких, красивых девочек и как тяжело и больно любить их, постоянно ожидая появления ветвистых наростов, терпя их капризы

и мучаясь, если вдруг капризы закончатся. Это было начало конца моей независимости и спокойствию.

– Когда операция?

– Через неделю.

Меня судьба постоянно испытывает на доверчивость к женщинам, и постоянно, с завидным упорством, я сдаю экзамен на звание Самого Доверчивого и, постоянно получаю самую высокую оценку, только лишь для того, чтобы через некоторое время опять подтвердить свою квалификацию. Где-то в глубине души я всегда чувствовал протест против этого, но слишком слабым он был в этот раз.

– Хорошо, я найду эти деньги.

Пока я думал и прикидывал, что и где, Оля напряжённо смотрела на меня. В её глазах читалась такая боль, что я совсем перестал жалеть о сказанном. Вдруг она упала, лицом на свои руки, лежащие на столе, и зарыдала с таким надрывом и безнадёжностью, что я испугался за неё. И опять я не знал, что с ней делать.

– Тихо, тихо, тихо, – быстро проговаривал я, совсем как своей дочери, в её далёком детстве, когда мы ещё жили вместе, и она вдруг, ни с того ни с сего, начинала плакать, и я её уговаривал и гладил по голове. Точно также сейчас гладил Олю по голове и быстро проговаривал ей:

– Тихо, тихо, тихо.

Всхлипывая, глубоко и прерывисто вздыхая, Оля успокаивалась. Наконец она с трудом выговорила:

– Я так боялась, что вы откажете. Извините, я устала.

– Операция, какая?

– На позвоночнике. У мамы очень сильные боли, она не может ни сидеть, ни стоять. Вы извините, что вот так неожиданно. Мы обошли всех своих знакомых. Кто-то не может, а кто-то выставил неприемлемые условия, даже слишком.

Она замолчала, погрузившись в себя.

– Пойдём, – я приобнял её за плечи и повёл в зал, усадил на диван. Девушка легла, не поднимая ног, положив под голову того же плюшевого медведя, как и в первый раз.

Принес ей в чашке валерьянки, поставил на стул рядом с диваном, потом укрыл пледом и сел в кресло. Приподнявшись на локте, она выпила лекарство, поставила обратно чашку, затем подняла ноги на диван и свернулась калачиком.

Вот оно, испытание на вшивость. Мне хотелось присесть к Оле на диван, приласкать её. До сих пор я ощущал в ладонях мягкость её волос. Но боялся, что не выдержу испытания, сорвусь. Хотелось по-другому, чтобы в её глазах было желание видеть меня рядом. Вначале желание, а потом уже я.

Телефонный звонок прервал мои размышления.

– Это Людмила Алексеевна.

– Людмила Алексеевна?

– Олина мама.

У меня похолодело на сердце.

– Оля у вас?

– Да, она лежит на диване.

Я чувствовал, что говорю какие-то двусмысленности, но не мог собраться с мыслями.

– Ей было плохо, она плакала.

Ещё лучше сказал!

На том конце провода возникла недоумённая пауза, потом прозвучало:

– Позовите её к телефону.

Я подошёл к дивану и увидел, что Оля спит.

– Вы знаете, она уснула. Она была в таком взвинченном состоянии, пусть отдохнёт.

Я догадывался, если бы Людмила Алексеевна могла, она прилетела бы в одну минуту. Но она была больным человеком и не знала моего адреса. Представляю, какую пытку мы ей устроили. Но моя совесть была чиста, и это почувствовали там, в неведомой мне квартире.

– Хорошо, – сказала Олина мама. – Пусть позвонит позже, – и положила трубку.

С дрожащими руками я сел в кресло.

Там обо мне знают, хорошо это или плохо не пойму. Я никогда не сталкивался с мамами своих женщин. Женщины ещё нет, а с мамой уже поговорил, забавно, и вдруг, поймал себя на возникающем ощущении, что затягивает в болото. Надо бы выбираться из него, пока не поздно, а я позволяю себе ничего не делать.

Почувствовав на себе взгляд, поднял голову и увидел во-

просительные глаза Оли.

– Мама твоя звонила, я сказал, что ты спишь.

В её глазах мелькнула тень лёгкого беспокойства и вины.

Чтобы её успокоить я произнёс.

– Всё нормально.

Оля нехотя, через силу выговорила:

– Я ей сказала, куда иду...

– И куда?

– К подруге, вернее к её родителям. По-другому, она меня не отпустила бы.

– Выходит я родитель твоей подруги.

– Не обижайтесь, ведь как-то нужно было сказать и сейчас и потом, о деньгах.

– Звонить будешь?

– Не знаю. Может попозже. Я пока не могу.

Я положил трубку на диван, рядом с импровизированной подушкой, встал, подошёл к окну и уставился в ночь освещённую фонарями и луной. «Связался чёрт с младенцем». Я уже проклинал себя за слабость: какое мне дело до мам незнакомых девиц и в принципе до самих несовершеннолетних? Боком ещё выйдет вся эта авантюра! Я не думал о деньгах, мне просто было досадно на себя, что не смог сразу отправить её. Теперь ещё придётся с мамашей объясняться.

По улице ходили взрослые девушки и женщины, которые, я думаю, были, не прочь со мной познакомиться, даже для простого времяпровождения. Это было бы и проще, и де-

шевле.

– Олег, – услышал я голосок Оли. – Подойдите сюда.

Я повернулся к ней лицом и увидел, как она показывает на диван рядом с собой.

Я подошел, но уселся на стуле, рядом с ней.

– Вы помните ту ночь, когда мы с вами познакомились, вы искали женщину... Я смогу вам её заменить?

Господи, это она мне себя предлагает, в знак благодарности?

– Оленька! – я задохнулся от услышанного. – Ты представляешь, о чём говоришь?

Она слегка пожала плечами.

– Конечно, представляю.

– Ты меня сможешь полюбить?

– Это так важно?

– Для меня да.

Мы замолчали. Я думал, как выйти из этой ситуации. Конечно, можно было принять её предложение, но слишком велик был риск, что со временем она посчитает, что погасила все долги и уйдёт. Я не мог так легкомысленно разменять своё чувство на её благодарность, ничем не подкреплённую кроме слова. И в тоже время я боялся обидеть её своим отказом.

– Оленька, понимаешь, я, в некоторой степени, увлёкся тобой и боюсь, это серьезнее, чем могу подумать сейчас. Если я тебе нравлюсь как мужчина, это один вариант, ес-

ли только из чувства благодарности – это другое. Я не могу от тебя принять такой жертвы.

– Вы мне нравитесь, как папочка, – и положила голову на мои колени.

Вот так оно всё и начинается! Сначала трогательно в своей беззащитности, потом может стать яростным и грубым в отстаивании своей независимости. О, Господи, зачем ты мне послал это так поздно? Чем я заслужил такой крест?

– У тебя мальчик есть?

– Нет. Мальчишки такие неинтересные, глупые и скучные.

Я положил руку на её плечо. Каким же оно было хрупким и миниатюрным. И этой девочке рожать через четыре-пять лет? Где же она возьмет силу и энергию? А моя дочь? Она почти такого же возраста, чуть помладше и такой же комплекции. Я почему-то о дочери никогда не думал, как о женщине. Только любимая женщина может быть хрупкой и беззащитной, любящей и обижающей. Только от неразделённых чувств любимой женщиной, накладывают руки на себя. Любовь к женщине лежит в верхней части сердца и правится разумом, когда он способен бывает на это. Любовь к своим детям располагается в глубине сердца, никогда не правится головой и редко вызывает страдание от несоответствия отдаваемого получаемому. И обида на них, какая-то мимолетная, даже если и долго вспоминаемая, но никогда не вызывающая боли. Можно говорить о своих детях плохо или хорошо, это никак не влияет на любовь к ним. Но если о любимой

женщине говоришь плохо, это означает: либо конец любви, либо начало конца. И разлюбить женщину можно многожды. Разлюбить дочь – никогда. А если женщина возраста твоего ребёнка полюбить её легче, но любить больше. Нужно быть либо мазохистом, получая наслаждение от пытки, рождённой осознанием разницы в возрасте, либо садистом, заставляя страдать молодое существо, когда оно уже не может любить или не хочет, а ты уже всё потерял ради этой последней своей любви. «Седина в бороду»... одним словом.

Я гладил её плечо, волос, спину и испытывал необъяснимое психологическое наслаждение. Так наверно ласкают потерявшуюся, а затем найденную дочь.

«Оленька, моя милая, нежная, добрая Оленька» – про себя проговаривал я. — «И воспринимаю я тебя как-то странно. И не как женщину, и не как ребёнка. Смогу ли я когда-нибудь отмолить грех своей страсти? Господи, прости меня, грешного, но безвинного, ибо ты меня сделал таким и послал мне это испытание, только для чего, я никак не пойму».

Через силу встал, невидяще подошёл к окну. Сердце колотилось, в каком-то невероятном темпе. «Словно стометровку пробежал», – усмехнулся про себя. «Так тебя надолго не хватит, подкараулит „кондрашка“, женишок хренов. Нужно отправлять её, пока не поздно. Пока ещё есть силы смеяться над собой, когда будешь плакать, будет поздно».

– Оля, – хрипло выдавил я, слушая свой голос будто издалека, – позвони маме.

– Мама, алло, – сказала Оля. – Сейчас приду. Что? Это не телефонный разговор. – И уже обращаясь ко мне, с напряжением выговорила.

– Я пойду, уже поздно, а то мне ещё уроки делать.

Положила трубку на стул, и, видимо, не зная как убедить-ся, что обещано, было не ради красного словца, а с полной ответственностью и серьёзностью, произнесла:

– Я вам свой номер телефона оставлю, вот, — и положила листочек бумаги на журнальный столик.

Я проводил Олю до дверей и пообещал, что позвоню, как только, что-нибудь определиться с деньгами. Она ушла более встревоженная, чем успокоенная.

Уже через полчаса я нашёл, где взять деньги, осталось забрать их и отдать Оле. Нет, нужно отдать Людмиле Алексеевне. Я не знаю, почему так решил, но мне стало вдруг спокойно от этого решения.

—

Врачи погрузили Принца в транс, заблокировали информацию о Золушке, в части прихода ею на бал и Принц, снова как до бала, стал ожидать чуда. Он вновь повеселел, но при мыслях о предстоящем свидании что-то беспокойно вздрагивало у него в груди, совсем не радостно, а как-то щемяще. Видимо, врачи не смогли полностью перекрыть факт произошедшего, но сделали они всё что смогли.

Король пригласил к себе в Тронный Зал Волшебницу и дал понять, что недоволен её работой. Он не мог прямо ей об этом сказать: не королевское это дело ясно говорить о своих претензиях, но Волшебница была опытной в дворцовом этикете и прекрасно поняла причину слишком официально-го обращения с собой. Она сама недоумевала, что произошло и почему её волшебство не сработало, как она хотела.

Положение усугублялось тем, что Волшебница решительным образом не знала, где проживает Золушка. Она её встретила поздней осенью на речке, когда та в ледяной воде полоскала бельё. Заглянув в глаза девочке, Волшебница поняла, что именно её она искала так долго и безуспешно. Тогда она привела Золушку к себе и рассказала ей о Принце и об её предназначении. В течение двух недель девочка приходила к Волшебнице, которая всё это время учила ее, как вести себя во Дворце и когда придти туда. Затем вручила ей хрустальные туфельки, и ещё раз уточнила время бала. Судя по тайным знакам, время для обращения бедняжки в Золушку было идеальным, но что-то не получилось. Вернувшись домой, она, первым делом, достала свои Волшебные Книги, чтобы разобраться в причине неудачи. В той части Книги, где показывалось процесс обращения в Золушку, что-то изменилось, причём изменилось в тот момент, когда Золушка танцевала с Принцем. Кто-то, не менее, а, может и, более могущественный вмешался в заклинания и либо сломал их, либо направил в другую сторону. В этом нужно было ещё

разобраться.

То беспокойство, которое охватило Волшебницу в ночь бала, превратилось в смутную догадку о причинах неудачи. Да-да, конечно это гадкий Сморгль. Он когда-то хотел занять место придворного волшебника при дворе Короля, но не смог решить одну из трёх задач загаданных Королём претендентам на эту роль. Но как он узнал о времени заклинания, ведь только зная его можно было помешать превращению? У него должны быть свои люди во дворце, а может ещё кто-то и рядом с жилищем Волшебницы.

Когда-то Сморгль был намного слабее Волшебницы, но прошло достаточно много времени, и чародей мог измениться. Кто-то ему помогал советом, сейчас Волшебница была в этом уверена абсолютно, и для того, что бы проверить своё предположение отправилась во дворец прямо к Главному Мудрецу.

– Так вы говорите, что кто-то из дворцовой челяди помогал Сморглю? – Мудрец пригладил свою серебристую бороду и выразительно глянул на Волшебницу, словно ожидая от неё, что та передумает и поменяет своё мнение на противоположное. За долгие годы общения такое было не раз, и всегда они находили, какое-то решение, на первый взгляд, неразрешимых проблем. Но сейчас пахло предательством, такого никогда не случалось в их длинной истории взаимоотношений. Главный Мудрец был не старше Волшебницы, но помнил её юной девушкой, когда прапрадед ныне цар-

ствующего Короля объявил конкурс на место придворного волшебника.

– О, если бы только из челяди, – вздохнула Волшебница. – Боюсь, что рядом со Смарглем стоит кто-то неведомый мне. Я не уверена, что он сильнее меня, но их двое!

Придя домой, Волшебница долго думала, как ей быть, как найти того, кто помешал? Если он решился сделать это раз, то, значит, не отступится, пока не разрушит всё, что создала Волшебница за годы присутствия в Королевстве.

Она покопалась в книгах и достала очень редко используемую Книгу Поиска Ошибок. Эта Книга досталась Волшебнице от своей матери. Она помнила, что ей наказывали, как можно реже пользоваться этой вещью, так как согласно закону Великого и Всемогущего Квардтля, всякое сработавшее волшебное действие имело принцип неопределённости. Проверить можно было либо место совершения волшебства, либо время. И в случае грубого вмешательства в процесс определения ошибки, мог нарушиться ход, совершённого в прошлом, заклинания, с необратимыми и непредсказуемыми последствиями в настоящем и даже в будущем. Осторожно открыла Книгу на шкале недельной давности и стала вглядываться в кабалистические знаки волшебного языка заклинаний. На строчке определяющей необходимость совершения Принцем действий по превращению девушки в Золушку, а затем и в Принцессу, Волшебница увидела, что три строчки знаков заблокированы и далее стоит пробел в 13 пунктов.

Это говорило о том, что неизвестный смог только приостановить, но никак не отменить действие заклинаний.

Теперь она была убеждена в том, что именно Сморгль пытался ей помешать. Когда-то родители Волшебницы и Сморгля дружили и у них были одинаковые Книги Изменения Совершённых Заклинаний, но кто ему помог расшифровать код заклинаний, предстояло ещё выяснить.

И вдруг она вспомнила один странный, почти нелепый случай, произошедший с ней менее полугода назад, по лету. Она в то время испытывала какое-то недомогание, непонятно чем вызванное: то ли косыми взглядами злых торговков на базаре, куда Волшебница заходила за кедровыми шишками для изготовления снадобья, то ли сквозняком в оранжее. Тогда, на время своей слабости, она наняла одну довольно милостивую хлопотливую девушку ухаживать за цветами. Цветы, в частности их лепестки, очень важная вещь в микстурах, примочках и мазях изготавливаемых Волшебницей для сохранения молодости и свежести придворных Его Величества, и потому их следовало вовремя подкармливать и аккуратно поливать. Всего два дня потребовалось Волшебнице для восстановления сил, но за эти два дня чуть не погиб самый дорогой куст, самой чудодейственной розы и непостижимым образом потерялся, а затем нашёлся листок из Книги Кодов. Вот теперь всё встало на свои места. Осталось вспомнить, кто порекомендовал эту девушку, и вдруг с ужасом и стыдом она поняла, что взяла её безо всякой ре-

комендации, лишь потому, что та помогла донести с базара тяжёлую корзину с покупками, и по дороге в разговоре оказалась ей очень смышленной и доброй девушкой. Волшебнице стало плохо, как же она не проверила свою незнакомку по Книге?! Вот ведь как всё вышло!

Нужно, первым делом, поменять код на ближайšie три месяца, а вторым – найти Золушку.

Если код поменять не составило труда, то Золушку искать было сложнее. Волшебница вспомнила, как встретила эту девушку на реке, когда та полоскала бельё. Несмотря на то, что её руки покраснели от холодной воды, они всё же были прекрасны, той чудной хрупкой красотой, которую в молодости не замечаешь, и лишь спустя достаточно долгое время вспоминаешь: до чего же молодость красива сама по себе. Она что-то говорила о мачехе и доме башмачника, стоящего на третьей улице отсюда и приглашала в гости, но тогда это не казалось таким необходимым. Нужно срочно найти этот дом, а в нём Золушку.

Глава 3

Щёлкнул замок, и в комнатку вошла женщина, которая вечером приносила еду, и негромко спросила,

– Ау, ты проснулась?

– Проснулась, – ответила девочка

– Вставай, иди, умойся, я сейчас тебе принесу поесть.

Умывальник на кухне, унитаз в туалете, дверь в коридоре, там увидишь.

Девочка опустила ноги с кровати, встала и вышла в коридор. От яркого света, глаза, после темноты комнатки-чулана, мгновенно закрылись. Девочка на секунду остановилась, привыкая к свету, чуть приоткрыла глаза и увидела через дверной проем, сидящего на диване немолодого темноволосого мужчину, одетого в синий спортивный костюм. Она поздоровалась с ним и, не услышав ответа, пошла вдоль по коридору в поисках двери. Вернувшись обратно, обнаружила на столе стакан с чаем и тарелку с кашей.

Девочка заканчивала есть, когда вошла женщина со стулом в руках. Она уже стала привыкать к ней, как может привыкнуть заключённый к нечаянному проявлению человечности в своём надзирателе. Она не размышляла на тему отношения к ней женщины и мужчины, они оба были по ту сторону добра, но женщина, чем-то импонировала девочке.

– Вот тебе стул, повесишь на него пуховик и будешь скла-

дывают свои вещи, и женщина поставила стул перед кроватью.

После чего она собрала посуду, протёрла стол и вышла, но вскоре вернулась.

— Возьми книжки, почитай, а то совсем со скуки рехнёшься.

Уши девочки резануло слово «рехнёшься». Она вздохнула и ничего не сказала.

Женщина положила на стол несколько книжечек, журнал и вышла из комнатки. Опять щёлкнул замок.

Книги были старые в бумажных переплётах: Чехов, Пушкин и ещё какая-то без обложки, да журнал трёхлетней давности – «За рулём».

Девочка машинально взяла журнал, и стала листать его, не глядя в фотографии. Пролистав, положила на стол и взяла в руки томик Чехова, пьесы, тоже отложила в сторону, раскрыла Пушкина, и сразу закрыла. Читать не было сил. Впервые за время заточения подумала о матери, каково ей там? И опять пожалела, что не сообщила ей о разговоре с отцом. Может быть, он хоть что-то мог бы рассказать ей о её похищении. Девочка, молча, плакала и вытирала слёзы рукой.

—

На мой звонок дверь долго не открывали, затем раздались

шаркающие шаги, и щёлкнул замок.

– Вам кого?

Зелёные глаза невысокой женщины не выражали ничего, кроме глубокой и затаённой боли, какая бывает от долгого физического страдания или одиночества.

– Оля дома?

– Оля? – к вышеперечисленному добавилось изумление: «Чего надо „этому непонятному типу“ от её миленькой, маленькой доченьки?»

– Мама, мама! – из глубины коридора вылетело хрупкое чудо и запрыгало на одной ноге. – Я же тебе говорила!

Я с превеликим удовольствием разглядывал её смеющееся счастливое личико, её подпрыгивающие грудки и понял, что многое бы отдал, что бы видеть это каждый день.

– Проходите, – Людмила Алексеевна распахнула дверь и пошла в глубину квартиры несколько напряжённой походкой.

Чтобы скрыть неловкость, охватившую меня, я долго и тщательно раздевался и разувался, не представляя себе, как будет проходить вручение денег.

Прошёл в зал. Там были все: Оленька, моя любимая Оленька, счастливая, красивая, немного растерянная, до самого конца не верящая, что из её затеи что-то получится; мальчик лет десяти, светловолосый худенький с живыми озорными глазами, в которых так и светилось: «А это что ещё за фрукт?», сама Людмила Алексеевна, взволнованная,

словно на первом свидании, с тем же выражением глаз, что я увидел у Оли в первый вечер, вернее ночь, нашего знакомства, с той же глубиной и тем же омутом. Под толщей боли угадывались такие же искорки, что я отметил в глазах Антоши, я надеялся, что угадал кто такой мальчик.

Людмила Алексеевна полулежала на диване, Оля сидела с ней, Антоша расположился в кресле у окна, я сел в кресло поближе к дивану и сразу достал деньги.

– Вот, здесь немного больше, на всякий случай, и с отдачей не торопитесь: я смогу подождать, сколько надо.

Оля подошла ко мне, взяла деньги и, наклонившись, поцеловала в щёку. От неё пахло детством и красивой женщиной.

Повисла напряжённая пауза.

– Вы извините за мою позу, – начала, было, Олина мама, но я прервал её, может быть не совсем учтиво:

– Не нужно извиняться, я всё знаю, всё нормально.

И вдруг у меня помимо воли вырвалось:

– Мне нравится у вас, уютно.

Похоже, этот дом завораживал не менее моей квартиры, но не тревожным ожиданием счастья и любви, а покоем и умиротворением. Только сейчас я понял, насколько устал от одиночества души и постоянной погони за не сбывающимися капризами жизни.

Олины глаза сияли: она была похожа на именинницу.

Нужно было уходить, пока не поздно, пока это место было

желанным, но чужим. Пора возвращаться в свою, враз осиротевшую квартиру.

Оля вышла в коридор проводить меня. Пока я одевался, она с умиротворённой улыбкой матери и жены смотрела на меня, потом подошла ближе, опять поцеловала, на прощание, в краешек губ.

Моя квартира встретила меня, с каким-то отчуждением и ревностью. Может и глупо так думать, но я чувствовал, где-то в глубине подсознания, свою вину перед ней.

Через два дня, в пятницу вечером, позвонила Оля и сказала, что Людмилу Алексеевну увезли на операцию. И ещё сказала, что у них с Антошкой всё хорошо, и врачи обещали через неделю маму выписать домой и что она, то есть Оля, скучает без мамы и можно ли ей прийти ко мне в гости с Антошкой завтра, часам к трём.

Моё сердце как добрый скакун с места рвануло в галоп, так что в ушах зазвенело. Я, не слыша своего голоса, почти закричал:

– Конечно, конечно можно, приходите!

На том конце провода Оля оторопело замолчала. Наверно слишком громко это было сказано: трудно понять рад или нет.

Я немного успокоился, добавил в голос бархатных нот и заверил, что буду ждать в нетерпении.

Думаю, никогда мой стол не видел такого обилия продуктов, как в этот раз. Тут было всё, что могло заинтересовать

большую девочку и маленького мальчика, тем более, не избалованных жизнью. В магазине решили, что я жду гостей, человек десять на целую неделю, и сочувственно помогли мне выбирать продукты.

С двенадцати часов я начал ждать звонка в дверь, но приходили всё какие-то не те, с какими-то пустыми советами и пожеланиями. То управдом по поводу моего предложения установить домофон, то приятель, пожелавший сходить в баню.

Ну, какая может быть баня и домофон сегодня, коли, я весь в предвкушении праздника?! Я не мог дожидаться, когда, наконец- то позвонят в дверь именно те, кто нужно. Господи, до чего же медленно идёт время! При этой мысли я взглянул на часы и ужаснулся – время пять. Я на ногах с восьми часов утра и только теперь понял, насколько устал. Подошёл к дивану и медленно опустился на него. Почему-то в душе стало появляться болезненное ощущение, что никто не придёт. На сердце было пусто и гадко. Вот так всегда, стоит только настроиться на что-то, как где-то в небесной канцелярии грубо так дадут по рукам:

– Не замай!

Не знаю, сколько времени прошло, и когда опять зазвенел звонок, я устало поплёлся к двери и нехотя распахнул её.

У меня наверно был такой недовольный вид, что у позволившей Оли, вдруг стало меняться счастливо-тревожное выражение лица на испуганное.

– Оленька, Антоша, что же вы, так долго?

В моём голосе было столько нетерпения, что гости поняли своевременность прихода.

Мне снова захотелось жить и творить чудеса.

– Мы к маме ходили в больницу.

Ну, конечно же, как ты не подумал, ведь мама то в клинике ещё, эгоист, только о себе думаешь!

Оля с Антоном вошли в коридор и изумлённо остановились, глядя на стол, полный деликатесов, стоявший в зале, и видимый от входной двери. Вот ради таких моментов и стоит жить на свете! Я себя чувствовал крезом.

– Всё, всё, раздеваемся, вот вам тапочки и мигом в ванную мыть руки. Есть хотите?

– Не очень – отозвалась Оля. – Мы ели в час.

– В час? С ума сошли! Давайте за стол.

Я вынес с кухни супницу с борщом, прекрасным украинским борщом, сваренным по оригинальному рецепту. С удовлетворением отметил, что он не остыл, не кипяток конечно, но я знал, что дети слишком горячие блюда не едят (по крайней мере, моя дочь не ела).

Нарезал чёрного хлеба, ведь только с чёрным хлебом можно оценить вкус этого замечательного борща.

Мои гости переглянулись и как-то нерешительно потянулись к хлебу.

Не едят такой хлеб, ну это пока! Какое-то время за столом стояла тишина, полная сосредоточенного поглощения, я бы

сказал, дегустации.

Потом были фисташки, вяленые оливки (натуральные, очень вкусные, привезённые приятелем, в качестве презента, из Турции), сырокопчёная колбаса, рыбки, сырочки в шоколаде, чай, пирожные.

Если во время еды мы с Олей немного обо всём переговаривались, то Антоша ел, молча, оглядывая комнату. Изредка скидывал глаза на меня, чаще на Олю. Было видно, что он очень стесняется, и я внезапно понял ещё одну причину их опоздания: Оля долго уговаривала брата пойти в гости.

Она сидела за столом, порозовевшая от тепла и еды, и какая-то умиротворённая, будто для себя уже нечто решившая раз и навсегда. У меня пробежал холодок между лопаток. Я к этому ещё не был готов.

Наконец все насытились. Я увёл Антошу в зал, усадил в кресло перед телевизором, включил какой-то канал с мультиками и вернулся на кухню, убирать со стола. Оля помогала мне. Никогда в жизни я с таким удовольствием не занимался мытьём посуды. Наши руки соприкасались, я вдыхал аромат её волос, её кожи.

У меня кружилась голова от её присутствия и полной беззащитности, долгожданной и всё-таки внезапной гостьи.

Потом вынесли стол из зала на кухню. Оля протёрла пол в том месте, где стоял стол, и мы уселись на диване вдвоём.

Я смотрел на экран телевизора, не видя ни чего, лишь чувствуя рядом с собой это прелестное создание. Держа её ладо-

ни в своих руках и глядя нежную кожу изящных пальчиков, с аккуратно подстриженными небольшими ноготками, вдыхал её аромат. Я сейчас ни о чём не мог думать, кроме того, что видел рядом с собой. Осторожно и бережно приобнял Олю за плечи, она доверчиво прижалась ко мне. Чего-чего, а адреналина моему сердечку хватало с избытком. Оно у меня ухало так, что невольно подумалось – как бы не выпрыгнуло...

Я посмотрел на Антошу, и мне показалось неестественной его долгая неподвижность. Легонько освободившись от Оли, встал и подошёл к креслу. Ну, так и есть, Антоша спал, наклонившись слегка на подлокотник кресла. Один готов.

Знаком я показал Оле пересесть на второе кресло и стал готовить на раздвинутом диване постель для двоих. Расстелил простыню, достал одеяло, две подушки. Потом осторожно перенёс Антошу на диван, мы с Олей раздели его и укрыли одеялом. Потом я принёс чистое полотенце девочке.

– Иди, умойся на ночь и ложись.

Оля направилась в ванную, а я пошёл в спальню, готовить свою постель, только сейчас почувствовав, насколько устал. Да и то, время первый час. Услышав скрипение дивана от укладывающейся спать Оли, и сам пошёл в ванную комнату.

Когда я оттуда вышел, мои гости уже спали. Осторожно пройдя мимо их постели в спальню, тоже лёг, но долго не мог уснуть, хотя очень хотелось спать. Какие-то мысли бежали

и бежали в моей голове.

Казалось, что я и не спал вовсе, и только неожиданно почувствовав, что кто-то стоит у моей постели, понял, что это не так.

Я протянул руку и коснулся Олиного бедра. Через ткань ночнушки почувствовал её горячее тело и приподнял своё одеяло. Она нырнула ко мне, прижавшись спиной к моей груди, и через минуту-другую уже спала.

Утром я проснулся один. Оли не было. Я, было, подумал, что они уже ушли, и сильно огорчился, как вдруг услышал, доносящийся с кухни тихий говор. Время было девять. Не спится же им!

Надел брюки, вышел из спальни и прошёл на кухню.

Антоша что-то говорил Оле, умоляющими глазами лоя её взгляд.

– Нет, – услышал я, твёрдый Олин голос.

Мне было даже странно, что она умеет так говорить. И я как-то отстранённо подумал о том, что ведь её совсем не знаю, и всё, что имею в голове, лишь плод моего воображения, помноженный на её молодость и мой возраст. Этакая гремучая смесь представлений стареющего ловеласа. Только бы рванула она попозже, может к этому времени эйфория поубавится, если не наоборот.

Стол, который ещё вчера вечером был завален оставшимися не распакованными деликатесами, стоял пустой. Антоша и просил у сестры разрешения открыть пакетик с фи-

сташками.

Оля повернулась на мои шаги, и я увидел её глаза, в которых прятались то ли слёзы, то ли немой вопрос.

Я догадался, что она всё прибрала в стол и сейчас не знает, как ей быть. Она была в недоумении, почему я её не тронул, отверг? Милая моя девочка, как ей объяснить, что я хочу по-другому, может даже и не так скоро? Не торопясь, смакуя каждый момент нашей встречи. Драгоценные вина не пьют на ходу и впопыхах. А она моё молодое, ароматное и терпкое от солнца, а не от времени, вино. Если б она только представляла, насколько она мне дорога. Её незащищённый взгляд, робкая улыбка, изящные пальчики, маленькие ушки вызывали во мне какой-то неуёмный восторг.

– Ребята, сейчас будем есть, – я мягко взял пакетик из Олиных рук и отдал Антоше. Потом поцеловал её ушко и прошептал: «я люблю тебя, не спеши» и легонько сжал её ладонь.

Оля вспыхнула и опять, как вчера, засветилась глазками, вернув мне рукопожатие.

Ну, слава Богу, успокоилась.

Потом мы все вместе поехали к Людмиле Алексеевне в больницу. Может, это была и не совсем хорошая идея, но она принадлежала мне и потому не подлежала обсуждению.

У Олиной мамы наверно приключился шок, когда мы всей толпой ввалились в чистую просторную палату института

травматологии. Ей ещё не разрешали вставать, и потому пришлось всех нас принимать у кровати. Выложили её на тумбочку фрукты, сок, и сели на стулья, детишки рядом, я чуть поодаль. В глазах Людмилы Алексеевны читался такой вопрос, что я невольно себя почувствовал преступником. Антоша прижался к матери и зашебетал о том, как он соскучился, и что Оля его обижает, не даёт орешки и кальмаров.

Чтобы поставить все точки над *i*, я сказал:

– Они у меня ночевали. Пришли уже поздно, после больницы, пока поели, стало поздно. Антоша уснул прямо в кресле перед телевизором, и я их оставил на ночь.

– ??

– Он с Олей спал на диване.

– Да, мама, я совсем не выспалась, Антон вечно, как юла вертится, утром где-то в ногах проснулся.

Людмила Алексеевна в это момент пытливо взглянула на меня, словно пытаясь в чём-то уличить. Но мне и скрывать было нечего.

– Когда выписывают? – спросил я. Это было не праздным любопытством, видимо хлопоты по доставке Олиной мамы домой мне предстояло разделить вместе с Олей.

– Если всё будет как сейчас, то в среду.

Сегодня было воскресенье.

—

Попав на третью улицу от реки, волшебница спросила, где дом башмачника. Ей указали на небольшой, с парадным крыльцом и мансардой, домик в переулочке. Она поднялась на крыльцо, стукнула массивным кольцом о дверь и стала ждать. Послышались чьи-то шаркающие шаги, и грубый голос спросил:

– Кто там?

– Откройте, это я, ваша тётя.

По ту сторону двери кто-то долго соображал, чья это тётя приперлась, и любопытство преодолело лень. Звякнула задвижка, открылось маленькое оконце в двери и давно не мытая, заспанная рожа выглянула наружу. Волшебница сразу поняла, что это слуга и строгим голосом сказала:

– Я тётя вашей хозяйки.

Слуга, ещё минуту назад знавший, что никакой тётки у хозяйки уже нет, под действием чар Волшебницы, понял вдруг, что она опять появилась, и открыл дверь.

Он ещё не успел впустить гостью, как сверху раздался неприятно-визгливый голос:

– Какого чёрта?

«О», — подумала Волшебница, — «это настоящее крысиное гнездо, бедная девочка»!

Неопрятная худая женщина, будто свалилась сверху и сразу стала буравить пронзительным взглядом чёрных бегающих глаз вошедшую. Через секунду-другую она обмякла, стала ещё неприятнее и заверещала на весь дом:

– О, тётушка, какими судьбами?

И никто уже не вспоминал, что тётя хозяйки умерла два года назад.

Волшебница поднялась наверх в залу, и устало опустилась в кресло. Эта чёртова хозяйка слишком много требовала сил для поддержания в ней уверенности, что именно тётя, её любимая, пришла к ней в гости. Временами, словно что-то вспыхивало в чёрном взоре, и она пыталась сбросить наваждение, вызванное Волшебницей, но устав бороться, опять принималась говорить о своих проблемах: о муже – неудачнике, о дочках, которых никто замуж не берёт, о себе несчастной и несчастливой.

– Ой, что же я, чаю хочешь, тётя? Сейчас-сейчас. Золушка, – завизжала вдруг она, – сейчас же неси чаю и печенья, лентяйка, бессовестная.

И пожаловалась Волшебнице.

– Такая ленивая, целыми днями только и делает, что спит и ест, да мечтает о Принце. Допроситься нельзя, что-нибудь сделать. Вся в мать уродилась, та тоже всё мечтала-мечтала, да за башмачника замуж вышла и померла сразу, – злорадно рассмеялась, сощуриив глаза и пытаясь ими влезть в душу Волшебницы.

И опять, словно стряхивая с глаз что-то, замолчала, погрузившись в себя. Через некоторое время, вскинув мутный взгляд на пришедшую, с тоской спросила:

– Ты где была так долго? Мне без тебя было очень плохо.

Вошла Золушка. Она принесла чай и печенье. Девушка тоже не признала в гостье Волшебницу и подумала, в самом деле, что тетя хозяйки ожила и пришла опять мучить и издеваться над ней.

Оставлять девушку в этом гадюшнике было нельзя. Никто не знает, сколько сил у неё осталось и не сломается ли она, до того как Принц найдёт её. Слишком много было на карту поставлено, чтобы вот так просто уйти.

– Голубушка моя, – обратилась гостья к хозяйке, – дай мне её на два денька, я из неё всю дурь выбью, живо верну к жизни. Забудет не только про Принца, но и про отца своего.

При этом она скорчила такую мину, что слуга с хозяйкой упали со смеху, представляя, как Золушка будет мучиться у тётки эти два дня.

Волшебница, пристально взглянула на хозяйку, слугу и Золушку и сказала стальным голосом, выделяя каждый слог:

– Я забираю Золушку, и вы уже через пять минут забудете, что я была у вас.

Все на секунду замерли, и потом, словно ни чего не слышали, вернулись к разговору с гостьей.

– Давай, давай, лентяйка, собирайся, – уже другим голосом, скорее участливым, нежели скрипучим, обратилась она к Золушке.

Хозяйка со слугой опять захихикали. Они были сами не прочь поиздеваться над бедной девушкой, но, робея тётки,

выражали лишь звуками ненависть и злобу.

– Ну, пойду я, пора мне. Я тебе приснилась. Иди, отдохни.

Хозяйка пошла в спальню, а слуга, семена впереди и подобострастно заглядывая Волшебнице в глаза, провожал их с Золушкой. С каким же удовольствием она размазала бы этого червяка по лестнице, но нельзя. Не позволительно заниматься этим, нужно беречь силы. Впереди ещё много будет проблем.

Дома Волшебница отвела Золушку в комнату для гостей и, уложив в постель, погрузила её в сон. Как бы ни была девушка неуязвима перед злобностью мачехи и хамством слуги, всё равно это могло наложить отпечаток безысходности на её не совсем окрепшую душу. Ей нужно было отоспаться перед встречей с Принцем, и пока не растаял первый октябрьский снег, услышать от него признание в любви. В котомке, которую принесла с собой Золушка, лежали хрустальные башмачки.

Волшебница направилась во Дворец. Уже проходя по дворцовому парку, заметила, необъяснимые изменения. Она ещё не могла понять, в чём дело, но чувствовала, словно сквозняком тянет от Дворца. Стража не узнавала её и не хотела впускать во внутрь. Пришлось буквально усыплять их бдительность. Пройдя мимо замерших на минутку стражей, проскользнула в дверь, и сразу на неё пахнуло холодом, словно из ледника. То, что она увидела там, повергло её в шок и ступор. В зале стояла гнетущая ледяная тишина. Двор-

цовая челядь и не двигалась, и не стояла на месте. Слуги, вельможи, фрейлины просто чуть шевелились. Они будто были заморожены в пустоту Дворца. Волшебница быстро пересекла зал, поднялась наверх и прошла в спальню Принца. Спальня была пуста. Она вернулась вниз, в тронный зал, но Принца и там не было. Среди едва шевелившихся придворных были и Мудрецы и Врачи, сидели на троне Король с Королевой, не было только Принца. Не мог и не должен был он уйти куда-то сам и один. Волшебница нашла в толпе Главного Мудреца и подошла к нему. Что-то неуловимо дрогнуло в его взгляде и тут же погасло. Она взяла за холодную руку Главного Мудреца, заглянула в безжизненные глаза, взглядом приказала подчиниться и повела за собой, напрягая все свои силы, прочь из этого могильника.

Чем дальше они отходили от Дворца, тем быстрее становился их шаг. И вот Главный мудрец, издав какое-то мычание, остановился, взглянул на Волшебницу и с трудом произнёс.

– Ну, наконец-то, Госпожа!

– Что произошло, пока я отсутствовала?

– Я не знаю. Все находились в Зале и готовились выслушать речь Короля, но тут вошёл новый привратник и объявил, что пожаловал Сэр Квардтль.

– Но ведь он давно уже умер!

– Да, я знал об этом, но не успел ничего сообразить, как в зал выпрыгнуло какое-то чудовище, изрыгающее дым и се-

ру. Все замерли от неожиданности, и у меня сердце наполнилось каким-то необъяснимым безотчетным страхом, который парализовал и ноги, и голову. Я ещё успел заметить, как это чудовище протянуло руку Принцу и повело за собой и всё, дальше серый туман.

– Час от часу не легче, – пробормотала Волшебница, и они пошли по направлению к её жилищу.

Глава 4

Девочка перестала плакать. Она последний раз всхлинула и взяла в руки третью книгу. Эту вещь сложно было назвать книгой в полном смысле этого слова. Обложки не было, а вместо неё, приклеенный лист бумаги, на котором детским почерком было написано заглавными буквами: ГДЕ-ТО В ЗАЗЕРКАЛЬЕ, ниже стояло, автор Петро Иванов, с выделенным ударением на втором слоге фамилии, что показалось ей не совсем обычным. Девочка пролистала книгу, она начиналась с пятнадцатой страницы и заканчивалась наполовину порванным сверху листом на двести девяносто четвёртой. Некоторых страниц не было, другие были вклеены не по-порядку. По всей видимости, тот ребёнок, который её читал, пытался придать ей подобающий вид, но не справился с задачей, и она осталась такой, как есть. Книга была про Золушку. Вначале девочка подумала, что это та самая вещь Шарля Перро, но когда начала читать, поняла, что просто фантазия на тему Золушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.